

The book cover features a light blue background with a repeating floral and foliate pattern in shades of green, yellow, and dark blue. A central, rectangular, cream-colored label with a dark blue border and decorative corner ornaments contains the title and author information. The label is set against a dark green cross-shaped background element.

Ольга Буткова

ЗИНАИДА
ГИППИУС

Муза Д.С. Мережковского

Ольга Владимировна Буткова
Зинаида Гиппиус. Муза
Д. С. Мережковского
Серия «AmorFati»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27445096
Зинаида Гиппиус: РИПОЛ классик; Москва; 2017
ISBN 978-5-386-09860-5

Аннотация

Начало XX века было щедрым на странные истории любви. Но, наверное, ни одна пара не вызывала столько пересудов, как писательская чета – Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. Они прожили вместе более пятидесяти лет, никогда не разлучались, не делали попыток расстаться. Многие считали, что главой этой семьи была Зинаида Николаевна – энергичная, острая, резкая, способная изумить, восхитить и напугать любого. Книга расскажет о жизни и судьбе гранд-дамы Серебряного века. Текст сопровождается иллюстрациями, воспоминаниями современников и цитатами из дневников героини.

Содержание

Предисловие	5
Родители	6
Детство	11
Отрочество	15
Жених	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ольга Буткова

Зинаида Гиппиус

© Буткова О.В., текст, 2017

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИ-ПОЛ классик», 2017

Предисловие

Начало XX века было щедрым на странные истории любви. Но, наверное, ни одна пара не вызывала столько пересудов, как писательская чета – Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. Они прожили вместе более пятидесяти лет. Они никогда не разлучались, не делали попыток расстаться. Отношения между ними никогда не были идиллическими, но все противоречия примиряло удивительное родство их душ. Многие считали, что главой этой семьи была Зинаида Николаевна, энергичная, острая, резкая, способная изумить, восхитить и напугать любого.

Дочь обрусевшего немца-чиновника, Зина Гиппиус большую часть своего детства и юности провела в провинции. Грустная и серьезная девочка, рыженькая и худая – казалось, судьба определила ей на всю жизнь остаться незаметной и тихой. Но сама Зинаида Николаевна решила по-другому. Не только стихами, статьями, рассказами, но и поступками, манерой общения, стилем жизни она создала новую себя. И словно бабочка из кокона, родилась гранд-дама Серебряного века, Белая Дьяволица. Она всегда сильнее раздражала, чем привлекала. Ее чаще ненавидели, чем любили. И возможно, ей это даже нравилось.

Родители

О своих предках Зинаида Николаевна рассказывала просто и обстоятельно. Не пыталась добавить романтических подробностей, не стыдила сь необразованных деда и бабушки с материнской стороны. Этой семье не пришлось испытать на себе конфликты «отцов и детей», столь частые в конце XIX века.

«Семья Гиппиус ведет свое начало от Адольфуса фон Гингста, переименовавшего фамилию Гингст на фон Гиппиус и переселившегося в Россию (в Москву) в XVI, кажется, веке из Мекленбурга (герб фон Гиппиус – 1515 г.). Несмотря на такое долгое пребывание в России, фамилия эта до сих пор в большинстве своем немецкая; браки с русскими не давали прочных ветвей.

Мой дед, Карл-Роман фон Гиппиус, был женат на москвичке Аристовой, русской. Первый сын их, Николай Романович, был моим отцом. Он очень рано окончил Московский университет и затем прожил, ввиду начавшегося туберкулеза, около двух лет в Швейцарии. Вернувшись, сделался кандидатом на судебные должности в Туле. В тот же год он познакомился с моей матерью, молодые братья которой тоже служили в Туле по судебному ведомству.

Дедушка мой по матери, В. Степанов, в то время уже умер; он был полицеймейстером в Екатеринбурге.

Сам необразованный, он, однако, послал обоих сыновей в Казанский университет. После его смерти вдова с дочерьми переехала в Тулу, к сыновьям.

Бабушка с материнской стороны всю жизнь потом прожила с нами. В противоположность другой моей – московской – бабушке, Аристовой, которая писала только по-французски и не позволяла звать себя иначе, как *grand'tata*, эта до смерти ходила в платочке, не умела читать и даже никогда с нами не обедала».

З. Гиппиус.

Автобиографическая заметка

Именно свою неграмотную бабушку Зинаида Николаевна вспоминала позднее с особенной теплотой.

«...Бабушка, сибирячка, с темной старой иконой в углу, с зеленой перед ней лампадкой, с чулком в руках и с рассказами о Симеоне-столпнике и Николае-чудотворце. Бабушка, которой я, когда выучилась читать, читала Жития святых, а когда маленькая сестра моя умирала, говорила мне, шестилетней: „Помолись за нее, детская молитва доходчива“. Я молилась – сестра вызжила, а я уже с тех пор уверилась, что если помолиться – хоть о хорошей погоде, – непременно будет. Вот только не всегда успеешь...»

З. Гиппиус. Дмитрий Мережковский

Как известно, предки Зинаиды Николаевны открыли в России один из первых книжных магазинов. Но насколько

сильное влияние оказали мама и папа, бабушки и дедушки на юную Зину, остается не до конца проясненным. Как в провинциальной среде, среди хороших и умных, но обыкновенных людей выросла эта странная «зеленоглазая наяда»?

Родители поженились в январе 1869 года и уехали в город Белев Тульской губернии – место, ничем не знаменитое, кроме своей исключительно вкусной яблочной пастилы. Там Николай Романович получил место. В январе этого же года родилась старшая дочь Зина.

А уже через полтора месяца отца перевели в Тулу, на должность товарища прокурора, и семейство снова отправилось в путь. Маленькую Зину везла на руках тетка.

Белев. Открытка XIX века

«С этих пор и начались наши постоянные переезды: из Тулы в Саратов, из Саратова в Харьков, причем каждый раз в промежутке мы бывали и в Петербурге, и в Москве, где подолгу гостили», – рассказывает о своем детстве Зинаида Николаевна. Наконец, переехали в Санкт-Петербург, где любимая нянюшка водила Зину гулять в Летний сад. Столица запомнилась Зине смутно. Здесь отец дослужился до звания товарища обер-прокурора Сената. К сожалению, эта успешная карьера была неожиданно прервана: у Николая Романовича обнаружили туберкулез. Семья переехала на юг, в город Нежин Черниговской губернии.

Любовь к литературе девочка унаследовала от отца. «После него осталось довольно много литературного материала (он писал для себя, никогда не печатал). Писал стихи, переводил Ленау и Байрона, перевел, между прочим, всего „Каина“», – вспоминала Зинаида Николаевна. А мать обладала незаурядными музыкальными способностями.

И отца, и мать Зина нежно любила, и даже об отцовской строгости она позже писала с восхищением: «Мой отец был не суров, но строг и требователен. Когда он был чем-нибудь недоволен, он переставал обращать на меня внимание, и я знала, что необходимо идти просить прощения. После все выяснялось, и мы опять были друзья. Именно друзья, потому что он говорил со мной обычно как с равной, с большой».

Ее жизнь в детстве была обычной, как у других, – может

быть, более грустной, нежели у большинства, из-за болезни отца. Девочка была ни на кого не похожей – странным, серьезным, упрямым ребенком. Однажды, во время пребывания в Санкт-Петербурге, они с няней пошли в Гостиный двор покупать куклу. Но четырехлетняя Зина потребовала себе живую куклу – другую девочку. Когда ее уводили, Зина плакала и кричала.

Гостиный двор, Санкт-Петербург. Открытка XIX века

Детство

«О ее детстве и первых юношеских годах мы не знаем почти ничего. Время, в котором она родилась и выросла, семидесятые – восьмидесятые годы, не наложило на нее никакого отпечатка. Она с начала своих дней живет как бы вне времени и пространства, занятая чуть ли не с пеленок решением „вечных вопросов“», – писал позже ее биограф, секретарь и друг Владимир Злобин. Вот детские стихи Зины:

*Давно печали я не знаю
И слез давно уже не лью,
Я никому не помогаю,
Да никого и не люблю...*

Несколько преувеличивая прозорливость ребенка, Злобин пишет: «Всё, что она знает и чувствует в семьдесят лет, она уже знала и чувствовала в семь, не умея это выразить». В наивных строчках детских стихов появляется то же настроение, которое будет возникать и в самых поздних произведениях Зинаиды Николаевны.

«В 1880 году, то есть когда мне было 11 лет, я уже писала стихи (причем очень верила в „вдохновение“ и старалась писать сразу, не отрывая пера от бумаги). Стихи мои всем казались „испорченностью“, но я

их не скрывала... Должна оговориться, что я была несколько не „испорчена“ и очень „религиозна при всем этом... Вот вам сердце – в теле одиннадцатилетней девочки, едва прочитавшей Пушкина и Лермонтова – потихоньку!»

З. Гиппиус.

Из письма В. Брюсову

Когда семья переехала в Нежин, Зину по настоянию отца отправили в Киевский институт благородных девиц. Она была домашним ребенком и так тосковала по родным, что почти все время проводила в лазарете. Единственным симптомом болезни была повышенная температура. Ее прозвали: «Маленький человечек с большим горем». В конце концов девочку отправили домой, и вся семья была очень рада возвращению неудавшейся институтки. Однако любовь девочки к семье порой принимала странные формы. Нежно любимую мать она мучила, притворяясь больной. Это не была обычная детская шалость или нежелание учиться. Это было странное, противоестественное желание растравливать сердечные раны – свои и любимых людей.

Учили ее дома – в Нежине женской гимназии не было, и к девочке приходили учителя из Гоголевского лицея. Предметами, которые давались ей лучше других, были русский язык и литература. У одного из своих учителей Зина не без кокетства спрашивала: «А вы знаете еще другую маленькую девочку, которая умела бы так писать, без одной ошибки?»

Ранее в Нежине воспитывался Николай Васильевич Гоголь, и маленькая Зина хорошо знала повести и пьесы этого писателя, тем более что и ее отец был поклонником гоголевского творчества. Он добивался установки в Нежине памятника Гоголю и даже собирал средства на него. В зале Гоголевского института Николай Гиппиус устроил два любительских спектакля, вся выручка от билетов пошла на памятник.

И все же девочка часто ощущала свое одиночество. «Я росла одна», – пишет о себе Зинаида Николаевна. Собеседниками ее были только любимая нянька Дарья Павловна и нелюбимые гувернантки.

Маленькой она смотрела на отца и думала: «А вдруг он умрет? Тогда я тоже умру». Отец действительно умер рано, когда Зине было всего одиннадцать лет, а сам он не дожил и до тридцати пяти. Для девочки это стало страшным ударом. Мысли о смерти преследовали ее с тех пор на протяжении многих лет. «Я с детства ранена смертью и любовью», – писала она гораздо позже.

В это время у Зины было уже три сестры, совсем маленьких, одна из них еще грудная. Мать решила перебраться в Москву. Впрочем, денег на жизнь в столичном городе было мало, если учесть, что в семье зарабатывать было некому. С ними жили еще бабушка и незамужняя тетка.

«Еще при жизни отца я хорошо знала Гоголя и Тургенева. В Москве, особенно за последний год, перечитала всю русскую литературу и

особенно пристрастилась к Достоевскому. Читала беспорядочно, и помогали мне кое-как разобраться только два человека: дядя с материнской стороны, живший у нас некоторое время (вскоре он уехал и умер от горловой чахотки), и учитель последнего года в Москве, Николай Петрович (фамилии не помню), которому я до сих пор благодарна. Он приносил мне новые книжки журналов, сам читал мне классиков, задавал серьезные сочинения. Помнится, что он писал тогда в „Русских Ведомостях“».

З. Гиппиус.

Автобиографическая заметка

В Москве провели три года. Зину отдали в дорогую гимназию Фишер, хотя расходы на это были семье не по карману. Училась она хорошо. Однако вскоре у Зины обнаружили туберкулез, а потому из гимназии ее пришлось забрать. Ее снова учат дома, и любимый предмет по-прежнему литература.

Вскоре мама решила, что ради здоровья Зины и ее сестер, у которых тоже были слабые легкие, нужно как минимум год провести в Крыму.

Отрочество

Крым пошел Зине, да и всем ее родным на пользу. Жила семья довольно уединенно. Они сняли несколько комнат на даче генерала Драшусова, высоко на горе, по дороге в Учан-Су. Младшие сестры подрастали и становились подругами; старшая занималась с ними.

Зина пишет стихи, но еще стесняется этого: читает родным только шуточные свои произведения. Единственное развлечение семьи – ялтинский театр. Мать с дочерьми навещают туда дважды в неделю, несмотря на непростую горную дорогу.

Здесь, в Крыму, прошел год, но возвращаться на север было еще опасно. Туберкулез еще мог дать о себе знать, да и младшие сестры крепким здоровьем не отличались. И вот в это время раздумий о будущем семью навещает мамин брат, Александр, тифлисский присяжный поверенный, адвокат, издатель газеты «Юридический вестник». Так происходит в жизни барышень Гиппиус перемена к лучшему. Вскоре все семейство направляется на Кавказ. Дядя берет на себя решение материальных проблем семьи – большего и пожелать было невозможно.

Лето проводят вместе с дядиной семьей в курортном Боржоме, на зиму едут в Тифлис. Веселье, танцы, круг молодежи – Зина совершенно счастлива.

Итак, старшей дочери в семействе Гиппиус шестнадцать лет. Образование ее совершенно бессистемно: «Умела заниматься тем, что нравилось, а к другому до странности была тупа». Отдавать в гимназию Зину уже поздно, кроме того, все понимают, что экзамена в последний класс она не сдаст. Зато юная барышня много читает и пишет – правда, пока этому никто не придает особого значения.

Увлекается она и музыкой – впрочем, скоро остывает, понимая, что не в этом ее призвание. Любит верховую езду, вместе со сверстниками ездит далеко в горы.

Именно здесь, в Боржоме и Тифлисе, из грустного и замкнутого ребенка Зина превращается в общую любимицу: «Характер у меня был живой, немного резкий, но общительный, и отнюдь не чуждалась я веселья провинциальной барышни». Впервые проявляется ее талант собирать вокруг себя самых разных людей.

Однако следующее лето 1887 года оказывается трагическим для всей семьи – на даче в Манглисе внезапно умирает дядя Александр. К горю прибавились и новые заботы – средств он почти не оставил, теперь и его жена, и сестра вынуждены экономить на всем.

В это время Зина снова уходит в себя. Когда умер отец, она была еще маленькой, но пережила настоящее взрослое горе. И теперь смерть близкого человека снова произвела на нее ошеломляющее впечатление. Она читает много стихов – разумеется, печального, мрачного Надсона, который был то-

гда кумиром молодежи. В одном из журналов ей попадает-
ся имя молодого поэта Мережковского – почему-то это за-
поминается.

«Первое мое влюбление, в шестнадцать лет, было кратко (как, впрочем, и другие) – в талантливого и красивого скрипача, сына нашего домохозяина, часто у нас бывавшего и очень за мной ухаживавшего. Он был уже тогда смертельно болен туберкулезом, но состояния своего не знал, и, вероятно, сделал бы мне предложение, если б, к счастью моей матери, которая все видела и ни за что бы на этот брак не согласилась, мы не уехали внезапно из Тифлиса. Через полтора месяца я все забыла, а мой Jerome B. осенью от своей болезни и умер. Последующие мои влюбленности вызывали у меня отчаяние и горестные страницы в дневниках: „Я в него влюблена, но ведь я же вижу, что он дурак“».

З. Гиппиус. Дмитрий Мережковский

Весна 1888 года приносит новые надежды. Сестры Гиппиус, их кузены и кузины мечтают о поездке в Боржом, где они были так счастливы два года тому назад. Матери неохотно соглашаются и нанимают две маленькие недорогие дачки. Возможно, если бы не эта поездка в Боржом, судьба Зинаиды Николаевны сложилась бы совсем по-другому.

Жених

Тифлиссские юноши, отдохавшие тем летом на боржомском курорте, увлекались рыжеволосой Зиной. У Гиппиус уже была в этом маленьком кругу слава поэтессы, некоторые друзья и подруги даже заучивали ее стихи наизусть. Многие увлекались поэзией, и приезд из столицы молодого петербургского поэта Дмитрия Мережковского был воспринят всеми с восторгом.

Дмитрий Сергеевич путешествовал по Кавказу вместе с поэтом Минским. В дороге они расстались, их заинтересовали разные маршруты, и кто-то посоветовал молодому человеку поехать в живописный Боржом. Как мы видим, роль случая в этой истории вообще значительна. Если бы мать Зинаиды не сняла дачу... Если бы Мережковский не заехал в Боржом... Дмитрию достался скверный номер в гостинице, и он уже хотел было уезжать, если бы не начальник почтовой станции, поэт-любитель, с радостью пригласивший петербургского стихотворца к себе в гости. Кстати говоря, сделал он это себе на беду, ведь он был влюблен в юную Зину Гиппиус и не знал, что приютил будущего своего соперника.

Уголок Ликанского дворца. Боржом. 1912

Зинаиде Николаевне не понравились стихи двадцатитрех-летнего Дмитрия Сергеевича, прочитанные ею в журнале. К тому же петербургский поэт не танцевал и не ездил верхом, а потому его шансы на успех в кругу боржомских барышень приближались к нулю. Однако он все же пришел в галерею с ротондой, где проходили танцевальные вечера. Подходя к ротонде, Зина увидела рядом со своей матерью «худенько-

го молодого человека, небольшого роста, с каштановой бородкой». Видимо, от застенчивости она поговорила с ним очень сухо. Ее больше всего волновало, что боржомская молодежь уже успела похвастать перед Мережковским стихами «нашей поэтессы», детскими и слабыми.

Как бы то ни было, знакомство состоялось, и за первой встречей последовали другие. Начались разговоры и споры о литературе, романтические прогулки по окрестностям. Правда, Мережковский одновременно флиртовал еще с одной боржомской барышней, Соней Кайтмазовой, но столичному «Онегину» это было позволительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.